

КЕНЕНУ АЗЕРБАЕВУ — ДЕВЯНОСТО ЛЕТ

В пути и в песнях Большая наша семья!

КАК ДВЕ СТРУНЫ...

Кенен считал Джамбула не только старшим коллегой, но и наставником. Порою, когда уставший Жак откладывал свою думбуру, ее брал Кенен и продолжал петь. Он был полностью, безраздельно верен традиции Джамбула, который единолично, с эпическим размахом славил нашу мучную Советскую Родину, воспевал социалистическую эпоху. Он не только поэт-певец, но и жырши-эпик. И думаю, можно с полным правом сегодня сказать, что Кенен и Джамбул — это две струны одной думбуры.

Абдылда ТАЖИБАЕВ.

Песня... Как не бывает птицы без крыльев, так не может быть и песни без слушателей. Ведь песни всегда слагают для людей. И счастливы акыны, когда слово его находит путь к человеческому сердцу, когда внимают звонкому голосу и почтенные акасакалы, и молодые джигиты, и девушки.

НА СНИМКЕ: Кенен АЗЕРБАЕВ среди творческой молодежи [1943 г.]

ЗВОНКИЙ ГОЛОС

Было это давно, в начале декабря 1937 года. Тогда мы услышали, что Кенен болел, и поехали его проведать. А накануне в Алма-Ату пришла телеграмма из Москвы за подписью секретаря Союза писателей СССР В. Ставского. В ней говорилось, что делегация литераторов Казахстана, возглавляемая Джамбулом, должна 22 декабря прибыть в Тбилиси для участия в пасхуны СП СССР и юбилейных торжествах, посвященных 750-летию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Пришлось поехать за Джамбулом в Каракастек Калмыкана Абдыкадырова. Сначала старый акын отказывался. Но потом он все же согласился поехать с Кененом.

Большеглазый, статный, опрятно одетый Кенен выгладывал колоритным красавцем. Взяв думбуру, он заел только что принятую Советской Конституции. Песня называлась «Улкен жан». Когда Кенен пел, он походил то на Асета, то на Балдан-Шолака, то на Биржанда, то на Естай — любимых народом певцов.

Тогда-то ко мне подошел Никола Бажан и восхищенно воскликнул: «Какой красавец этот ученик Джамбула!»

Сегодня Кенену девяносто лет. Годы — тут уж ничего не поделаешь — скрывают внешнею красоту, но они бесшумно перед краем отступают, бухают. Сегодня для нас акын остается молодым, а голос его — нестаряющая чистым и звонким.

Мухамеджес КАРАТАЕВ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЮБИЛЯРУ

В канун юбилея Кенена Азербайева Алма-Атинский народный университет казахской литературы и искусства провел вечер, посвященный его творчеству. В нем приняли участие народные акыны Шамхат Тулепова, Асимхан Косбасаров, Мухамеджес Караатаев и другие. Они составили в песенном мастерстве.

Учениками и последователями Джамбула и Кенена являлись писатели, ученые, сотрудники институтов Академии наук.

Народные акыны принимают участие в Днях советской литературы в Казахстане.

А. САБИРОВ.

ВЫДАЮЩИЙСЯ КОМПОЗИТОР

Свыше сорока лет я имею честь познать богатство казахской народной музыки от одного из ее виднейших представителей — Кенена Азербайева. Это не только прекрасный знаток музыкального творчества, но и автор многих произведений, вошедших в народную музыкальную классику. В нем поразительно органично сочетаются таланты поэта и композитора, певца и домбиста. Кроме многочисленных поэтических произведений, Кенен создал более 200 песен и кюев, в которых с большой силой, в выразительных образах отражена жизнь народа.

По идейной направленности своего творчества в до-революционные годы Кенен относился к славному племени передовых демократических деятелей музыкальной культуры. Он — последователь и продолжатель в новых исторических условиях таких выдающихся народных композиторов, как Биржин и Жаяу Муса, Балван Шолак и Ахан-Серге, Курмангазы и Сейтек.

Еще 11-летним пастухом Кенен создал проникновенную песню «Ри, койми» (окрик пастуха отары), выражающую всю горечь жизни бесправного байского батрака. Став профессиональным акыном-певцом и постоянно разъезжая по аулам, он сочинил одну песню за другой. В грозовой предреволюционной год им были созданы песни народного гнева и борьбы «Ат-тан!» («То конь!»), «Майран өлмиде!» («О мой родина, где ты!») и другие.

Новый расцвет музыкального и поэтического творчества Кенена наступил после Великого Октября. В первой песне «Октябрь», сочиненной в советское время, Кенен пел о Коммунистической партии, открывшей казахскому народу путь к счастью. Боевой песней «Шанк өте!» («Призывание детей музыкальной культуры») акын звал бедноту объединиться в союз «Кочши». В январе 1924 года Кенен с большой художественной силой выразил скорбь народных масс величественным творческим эпическим жогтау (плач) «Ленин — атам!» («Ленин — наш отец»).

Ни одно из наиболее значительных событий в жизни страны не прошло незамеченным в творчестве выдающегося акына. Он создает песни о Ленине, партии, о бригадах коммунистического труда, о многонациональной Родине. Произведения Кенена вошли в историю казахской доореволюционной и советской музыки, как яркие образцы ее народно-песенной культуры.

Исполнительскому мастерству Кенена свойственны, в зависимости от произведения, то эпические повествование, то темпераментная порывистость, то патетическая страстность, то мягкая душевная нежность. В его обширном репертуаре не только свои песни, но и произведения многих и разных композиторов, эпические сказания акбайлан («Манас»). Он прекрасный исполнитель русских, киргизских, татарских, украинских песен и песен многих других народов.

Б. ЕРЗАКОВИЧ, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, доктор искусствознания.

Кенен АЗЕРБАЕВ

Т Р У Д

Акыну песня ближе скучных слов, Как рыбам — речка, рыбку — улов, Вот так и труд — он честным в путь зовет, Как сыновей любимых отчий кров.

Пчела, по капле собирая мед, Вернувшись в улей, трутня не поймай. Так человек, добывший честь трудом, Ленивым родным не назовет.

Льет свет луна, дает металл руда, Каменья точит горная вода, А человек, алача в безделье век, Не оставит доброго следа.

Народу своему я горюю — За честный труд тебя благодарю. Пусть молодые счастье обретут, Всем чистым сердцем уважай труд.

ВЕРБЛЮЖИЙ ПЕРЕВАЛ

Верный друг беду отведет с пути. Спутник плох — тебе от бед не уйти. Он за час сумеет тебя обмануть, Он толкает тебя на опасный путь.

Друг надежный в пути — моя песня-стих! И другим он не чужд, нужен для других. Во весь голос пою — слушай, мой народ! Стих со мной в пути, стих не отстанет.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ТОЮ

На той зовет друзей Кенен-ага. Здесь будет все — веселье, шутки, смех, Здесь для джигитов — жаркая байга И угощение щедрое для всех.

Здесь рады изобильно и добру, Здесь каждый вносит свой душевный вклад. Кенен возьмет любимую думбуру — И будет праздник песнями богат.

Перевод с казахского.

ДАЖЕ внешний облик Кенена исполнен душевного благородства, мягкости, лиризма. Конечно, старость коснулась акына. Он стал задумчивее, медлительней, строже. Но вот поздравляясь, улыбаясь, заговорил — и перед нами прежний Кенен, влюбленный в жизнь и песни.

Встречаясь с ним или только представив его, не перестаешь удивляться. Он современник Абая, младший и давний, еще с молодости своей друг Джамбула, свидетель и участник событий, о которых ты знаешь только по истории. И наш современник, современник вот этой школьной детворы, приваженной к своему дедушке. Еще совсем недавно огнистый наездник, но теперь предпочитающий «Волгу» любимому коню Балакаса с белой отметиной на лбу.

Кенен начинал в годы устной поэзии, но буквально на днях получил прекрасное изданный однотомник своих избранных стихотворений и песен. Начиная с байского пастухом, а теперь уже много десятилетий живет в колхозе имени Кирова, в километре от тракта, по которому мчатся комфортабельные автобусы в Киргизию и Узбекистан.

У Кенена есть большая родина и свой малый край — колхоз у подножия Курдайского перевала в аул Матабулак, неподалеку от Кизилоргопки, где он родился в 1884 году и слушал первые сказки и песни от матери Улдар. Кенен только однажды уезжал из отчужденного — после национально-освободительного восстания 1916 года, в котором он участвовал и как певец, и как воин. Его имя слишком хорошо было известно царским карательным отрядам, ему угрожал военно-полевой суд. Кенен приютился киргизы в горном ауле за Токмаком. Где-то там до сих пор живет его ровесник и друг Маулихан, давний ему кров, познакомивший его и с исповедателями знаменитого киргизского эпоса «Манас» — Манаси, и с поэтом киргизского народа Токтогулом. Давно это было, без малого шестьдесят лет назад.

Он вернулся к подножию Курдая после Великого Октября и в 1921 году был избран председателем Курдайского аулсовета. Семь лет, в трудное время становления нового, Кенен оставался на этом посту. Реже звучала его думбура, его песни. Борьба с баями приходилась порой с оружием в руках.

Нелегко представить старого акына в традиционной кожанке тех лет и фуражке, с портфелем и наганом. Я видел такую фотографию.

В конце двадцатых годов он снова возвратился к поэзии, к музыке. Ведь еще до революции он прославился и как поэт, и как мелодист-композитор, и как исполнитель песен.

Его сперва прозвали акыном-бала, мальчиком-певцом. Пришло возмужание, а провинция оставалась. Он был акына-бала и певчий певец. Это уже позднее звание этих мест Еркебай, знаток песен, обучал Кенена грамоте. Но еще до этого акына-бала сложил песню о жаворонке — «Бозторгай». У песни были такие легкие и сильные музыкальные крылья, что она облетела просторы Казахстана. Ее пели, как это случалось и позднее, не всегда зная имя автора:

Милый жаворонок, в небе ты повец, Не спускаешься на землю для меня, Где, голодный, я пасу чужих овец С палкой, заменившей мне коня.

Есть еще одна песенка Кенена — песенка молодого чабана с традиционным припевом, скорее, пастушеским возгласом: «Ри, койми». «Ри, койми» стало названием этой песни, в которой грустные строки — нежными воспоминаниями о тепле, с трогательным проникновением — в бедный мир мальчугана — «Когда с пастбища я приношу ягнят — зернам жареным, как сахару, я рад» — соседствуют со строками, яростного проклятия всему байскому богатству, а значит, и самому баю:

Чтобы волки вас сожрали, Ри, койми! Чтоб чума пришла в кошары, Ри, койми!

В раннем творчестве Кенена очень много таких песен-миниаюр, доставивших ему признание не только в родных аулах, но только в Семиречье — Джетысу, но и на берегах Иртыша, Сырдарьи, Урала.

Особенно примечательна песня Кенена — «Кокшолок», в переводе «Знакомый киргизского эпоса «Манас» — Манаси, и с поэтом киргизского народа Токтогулом. Давно это было, без малого шестьдесят лет назад.

Он вернулся к подножию Курдая после Великого Октября и в 1921 году был избран председателем Курдайского аулсовета. Семь лет, в трудное время становления нового, Кенен оставался на этом посту. Реже звучала его думбура, его песни. Борьба с баями приходилась порой с оружием в руках.

Нелегко представить старого акына в традиционной кожанке тех лет и фуражке, с портфелем и наганом. Я видел такую фотографию.

В конце двадцатых годов он снова возвратился к поэзии, к музыке. Ведь еще до революции он прославился и как поэт, и как мелодист-композитор, и как исполнитель песен.

Его сперва прозвали акыном-бала, мальчиком-певцом. Пришло возмужание, а провинция оставалась. Он был акына-бала и певчий певец. Это уже позднее звание этих мест Еркебай, знаток песен, обучал Кенена грамоте. Но еще до этого акына-бала сложил песню о жаворонке — «Бозторгай». У песни были такие легкие и сильные музыкальные крылья, что она облетела просторы Казахстана. Ее пели, как это случалось и позднее, не всегда зная имя автора:

Милый жаворонок, в небе ты повец, Не спускаешься на землю для меня, Где, голодный, я пасу чужих овец С палкой, заменившей мне коня.

Есть еще одна песенка Кенена — песенка молодого чабана с традиционным припевом, скорее, пастушеским возгласом: «Ри, койми». «Ри, койми» стало названием этой песни, в которой грустные строки — нежными воспоминаниями о тепле, с трогательным проникновением — в бедный мир мальчугана — «Когда с пастбища я приношу ягнят — зернам жареным, как сахару, я рад» — соседствуют со строками, яростного проклятия всему байскому богатству, а значит, и самому баю:

Чтобы волки вас сожрали, Ри, койми! Чтоб чума пришла в кошары, Ри, койми!

В раннем творчестве Кенена очень много таких песен-миниаюр, доставивших ему признание не только в родных аулах, но только в Семиречье — Джетысу, но и на берегах Иртыша, Сырдарьи, Урала.

Особенно примечательна песня Кенена — «Кокшолок», в переводе «Знакомый киргизского эпоса «Манас» — Манаси, и с поэтом киргизского народа Токтогулом. Давно это было, без малого шестьдесят лет назад.

Он вернулся к подножию Курдая после Великого Октября и в 1921 году был избран председателем Курдайского аулсовета. Семь лет, в трудное время становления нового, Кенен оставался на этом посту. Реже звучала его думбура, его песни. Борьба с баями приходилась порой с оружием в руках.

Нелегко представить старого акына в традиционной кожанке тех лет и фуражке, с портфелем и наганом. Я видел такую фотографию.

В конце двадцатых годов он снова возвратился к поэзии, к музыке. Ведь еще до революции он прославился и как поэт, и как мелодист-композитор, и как исполнитель песен.

Его сперва прозвали акыном-бала, мальчиком-певцом. Пришло возмужание, а провинция оставалась. Он был акына-бала и певчий певец. Это уже позднее звание этих мест Еркебай, знаток песен, обучал Кенена грамоте. Но еще до этого акына-бала сложил песню о жаворонке — «Бозторгай». У песни были такие легкие и сильные музыкальные крылья, что она облетела просторы Казахстана. Ее пели, как это случалось и позднее, не всегда зная имя автора:

Милый жаворонок, в небе ты повец, Не спускаешься на землю для меня, Где, голодный, я пасу чужих овец С палкой, заменившей мне коня.

Есть еще одна песенка Кенена — песенка молодого чабана с традиционным припевом, скорее, пастушеским возгласом: «Ри, койми». «Ри, койми» стало названием этой песни, в которой грустные строки — нежными воспоминаниями о тепле, с трогательным проникновением — в бедный мир мальчугана — «Когда с пастбища я приношу ягнят — зернам жареным, как сахару, я рад» — соседствуют со строками, яростного проклятия всему байскому богатству, а значит, и самому баю:

Чтобы волки вас сожрали, Ри, койми! Чтоб чума пришла в кошары, Ри, койми!

В раннем творчестве Кенена очень много таких песен-миниаюр, доставивших ему признание не только в родных аулах, но только в Семиречье — Джетысу, но и на берегах Иртыша, Сырдарьи, Урала.

Особенно примечательна песня Кенена — «Кокшолок», в переводе «Знакомый киргизского эпоса «Манас» — Манаси, и с поэтом киргизского народа Токтогулом. Давно это было, без малого шестьдесят лет назад.

Он вернулся к подножию Курдая после Великого Октября и в 1921 году был избран председателем Курдайского аулсовета. Семь лет, в трудное время становления нового, Кенен оставался на этом посту. Реже звучала его думбура, его песни. Борьба с баями приходилась порой с оружием в руках.

Нелегко представить старого акына в традиционной кожанке тех лет и фуражке, с портфелем и наганом. Я видел такую фотографию.

В конце двадцатых годов он снова возвратился к поэзии, к музыке. Ведь еще до революции он прославился и как поэт, и как мелодист-композитор, и как исполнитель песен.

Еще тогда — может, семьдесят лет назад, а может, и больше — поэт был уверен в своем будущем, уверен, что правота на его стороне, на стороне народа. В этом оптимистическом чувстве — исток популярности поэзии Кенена еще в то доореволюционное время, когда хорошо жилось в аулах только тем, кто владел табунами и отарами.

Впрочем, ясно, что и в те давние годы для популярности акына мало было оптимизма и остроумия — требовался талант, а им природа наделила Кенена с избытком.

Еще на соревнованиях джетысуских акынов в начале века, когда Джамбул получил первый приз за сложную песню, Кенену, вручили первый приз за исполнение собственной импровизации.

Голос Кенена — редкостный голос по тембру, чистоте, лирическому теплу.

Нелегко лочка Кенена Торкена рассказывала нам, гостившим в доме акына, как он создавал свои песни:

— Обычно это бывает самым ранним утром. Он вначале напевает ритм на домбре. Наиграется долго, пока не рождается мелодия, созвучная замыслу и настроению. Потом под эту мелодию подбирает слова и записывает текст песни арабским письмом.

Е. Исмаилов и Е. Турсунов писали: «Акын мастерски играет на домбре лучшие народные кюи. Очень музыкальный, прекрасно владеющий голосом. Кенен хорошо берет самые высокие и низкие ноты. В плу исполнения, как бы подчеркивая свою виртуозность, он отрывает руку от домбры и делает жест танцовщицы, касаясь рукой уха».

Кенена и его голос бесконечно любил Джамбул.

— Когда он в декабре 1937 года все вместе гостили в Грузии на праздничном юбилее Шота Руставели, — рассказывал Мухамеджес Караатаев, — Джамбул поразился, всех величественно импровизационной, а Кенен долгое время оставался в тени. Но однажды поздно ночью, когда писатели были только в своем кругу, Кенен взял думбуру и взволновал всех присутствующих своей песней.

Джамбул, говорят, сложил по этому поводу стихотворную шутку. Мол, вот ты какой, Кенен. Все считали тебя скромным и молчаливым, а теперь только и шумят о твоём голосе и твоём песне.

Между прочим, Джамбул дал имя старшему сыну Кенена Коркемжану, был, как говорили в старину, его крестным отцом.

Мне пришлось видеть однажды, как шел Кенен к мавзолею Джамбула. Шел медленно, отрешенно, не замечая провожающих. Но перед тем, как войти в мавзолей, осмыслился и сделал едва приметный знак рукой: не мешайте мне, я хочу здесь побыть один...

Может быть, в час этого свидания и возник у него ныне осуществленный замысел написать поэму о Джамбуле.

Тематический рамах творчества Кенена очень широк — у него есть патристические песни о Советской Родине, о Ленине, о Казахстане, о дружбе народов, о созидательном труде. Но когда знакомился с его стихами, невольно замечаешь, что чаще всего они посвящены родным местам. Вот, например: «Песня курдайской молодежи» — ее поют юноши и девушки, живущие очень далеко от этого перевала. А уж если говорить о конкретных героях — либо в сохворе «Рославальский», либо в колхозе имени Кирова.

Районная газета «Курдайский маяк» (теперь колхоз имени Кирова находится в Красноярском районе) недавно рассказала, как Кенен соревнование двух чабанов в Исхари Дубсанова. А однажды с приговором: «Вы мои хорошие друзья, а как же я могу оставить друзей без подарка?» — сложил две песни: одну — посвященную работникам редакции, другую — работникам типографии.

В его стихах — река и речушки родных мест, любимые угощения — Узунсу, Ирсысу, Кыржайнар, Копа и конепе, Курдайский перевал. Его тонкие склонны и тихие ролики до сих пор манят акына.

Иногда — Кенен это случается редко — Кенен просит своего старшего сына поехать с ним в предрогю. Она остается навливаются у родника, и старик мелодичными глотками пьет холодную ключевую воду. Ему кажется тогда, что он прикасается к источнику своей поэзии, зародившей в этих джетысуских краях и теперь принадлежащей народу.

По обратному пути он просит сына ехать медленнее, чтобы еще зоркими глазами всматриваться в дорогу, знакомую и незнакомую. Прежними остались травы и птицы, прежними остались снежная Алатауских гор, но как изменились люди, поселки, ритм и краски жизни, которую и он создавал как боец за Советскую власть, как талантливый акын нашего времени.

Алексей БРАГИН.

РЕПОРТАЖ

С ПЕРВЫМИ, по-настоящему весенними днями акыну становится тесно в четырех стенах. Тогда его сыновья спавят в яблоневом саду, примыкающем к дому, большую юрту. В раскрытые двери ее льются потоки солнечного света, благодатного тепла и запахи степных трав. Слышно, как где-то высоко под темно-синим куполом неба заливается жаворонок — бозторгай.

Маленькая, трогательная птица из далекой юности акына звенит, не умолкая, вот уже многие десятилетия в его лучших песнях, ставших народными.

Прадичные краски весны сливаются для акына в одну торжествующую мелодию, не поддающую времени:

Друг надежный в пути — моя песня-стих, И другим он не чужд, нужен для других. Во весь голос пою — слушай, мой народ! Стих со мной в пути, стих не отстанет!

Три четверти века существует акыну песня. Она была с ним всегда и везде: в горе и радости, на каменных тропах и крутых перевалах. Его еще авали ласково «балай-акыном», мальчиком-певцом, когда он впервые встретился с Джамбулом. Именно Джамбул благословил Кенена на песенный подвиг. Потом они встречались множество раз на творческих

ПОЛВМ ПЕВЦА

поединках-айтысах и в долгих дружеских беседах за дастарханом. Они были неразлучны и во время поездки в Тбилиси на юбилей Шота Руставели, и в дни Декады казахской литературы, проходившей в Москве. В первые годы Великой Отечественной войны на Джамбула обрушилось страшное горе: погиб его любимый сын, его Алгадай. Три дня акын не поднимался с постели. Три дня никого не хотел видеть, кроме Кенена. Спешившись, Кенен прошел в полутемную юрту и долго сидел в скорбном молчании у постели Джамбула. Потом, подышавши, бережно снял со стены думбуру и так же молча протянул ее Джамбулу. Слабые пальцы старого акына коснулись струн, и они тихо отозвались на печальные думы отца, потерявшего в ратном бою своего сына. Так родился ставшая вскоре широко известной песня Джамбула «Думы об Алгадае».

«Давно уже нет на свете аты казахских акынов, но живут, не умирая, его песни потому, что песня всегда была душой народа и его советью».

Вслед за своим учителем Кенен совершил песенный подвиг, отмеченный высокой наградой — орденом Ленина.

В канун юбилея первыми поздравила акына с наградой его большая семья — шесть сыновей и дочерей, четырнадцать внуков и два правнука. А затем к юрте в яблоневом саду весь день шли и ехали люди — истинные поклонники поэзии Кенена. Тут были гости не только из Алма-Аты и соседних районов, но и из братской Киргизии, где казахский акын не раз встречался с прославленным певцом Токтогулом.

В доме Кенена была сутолока, предшествующая обычно празднику, на улице стоял густой аной, а в юрте было прохладно и тихо. Пелись в пиналах кумыс. Негромкая и как бы скрепленная созвучными речью акына снова и снова возвращала нас в те далекие уже дни, когда был жив Джамбул. Воздавая должное своему учителю, Кенен назвал имя акына Сарыбаса:

Мой край родной — Курдайский перевал, Мне Сарыбас-акын, как старший брат. Он, умирая, в дар мне передал Свою думбуру, волшебных песен клад.

Вспомнил Сабита Муханова, спросил о здравствующих алма-атинских друзьях. Потом мы долго беседовали в саду с его сыновьями и дочерью. Пожалели, что не встретились с приемной дочерью лезгинкой Айшой, уехавшей со своей чабанской бригадой на дальний отгон, узнали, что старший правнук Кенена Жумабай заканчивает географический факультет педагогического института имени Абая...

Пожелав акыну доброго здоровья и творческих успехов, мы собрались уезжать. Неожиданно в тихий шеплет яблоневых ветвей с округлыми плодами вылетел отчетливо еще один звук — напевный голос домбры. Он был звонок и молод, как молодость все песни старших казахских акынов.

О. МАЦКЕВИЧ, спец. корр. «Казахстанской правды», Колхоз имени Кирова, Джамбулская область.